

ЛИСТИ ДО П. В. ЛІНТУРА

В домашньому архіві мого батька Петра Лінтура зберігаються листи, з якими до нього зверталися його друзі, науковці, казкарі, студенти. Деяке було опубліковано в альманасі «Дзвінке джерело» (Ужгород, 1983; листи проф. Москов-

ського педінституту Миколи Водовозова) та в журналі «Тиса» (1994, № 3-4; листи казкарів Андрія Калина, Михайла Галиці, Василя Короловича).

Збереглися як листи службові із видавництв – про схвалення або відхилення рукописів батька,

так і листи приватного характеру. Серед адресантів – Петро Богатирьов, Ерна Померанцева, Борис Путілов, Дюла Ортутай, Андрій Меліхерчик, Єва Врabcова, Андрій Карабелеш, Іван Шлепецький... Вони характеризують батька і як науковця, і як

людину. Про це легко зробити висновок на основі запропонованих читачам «Наукового вісника» 5 листів.

Віра Боднар-Лінтур

**1. Лист кореспондента газети «Труд» Л. Мусатова
Москва, 11 марта 1946 г.**

Уважаемый проф. Линтур!

Недавно в Вашу Закарпатскую Украину выезжала экспедиция академии наук СССР и Украинской академии наук. Как мне сообщила заместитель начальника этой экспедиции Вера Юрьевна Крупянская, Вы очень заинтересовались этой экспедицией и оказали приехавшим в Ужгород ученым большую помощь в их работах.

Я думаю, что Вам будет интересно ознакомиться с беседой, которая была проведена мною, как корреспондентом газеты «Труд», с заместителем начальника этой экспедиции В. Ю.Крупянской и напечатанной на днях в нашей газете.

Поэтому посылаю Вам 2 экземпляра газеты «Труд», где помещена эта беседа о поездке экспедиции в Закарпатскую Украину.

Было бы очень хорошо, если бы Вы смогли написать в нашу газету статью. Вот примерные темы: «Культурная жизнь Закарпатской Украины в наши дни», «Литература и искусство Закарпатской Украины», «Город Ужгород – сегодня», «Учене города Ужгорода», «Университет города Ужгорода».

У меня к Вам имеется небольшая личная просьба. Я собираю почтовые марки, и мне очень хотелось бы достать марки, бывшие в обращении в Закарпатской Украине при власти Народной рады и до этого периода. Особенно интересны марки с различными надпечатками и перепечатками. Если бы Вы были так любезны и прислали мне такие марки (очень хотелось бы чистых, т.е. не гашенных и без штемпеля), я был бы Вам крайне признателен.

В свою очередь я мог бы выслать Вам, если Вы, конечно, интересуетесь, открытки с видами Москвы. Буду с нетерпением ждать от Вас письма, за которое заранее благодарен.

Кореспондент газети «Труд» Л. Мусатов.

Мой домашний адрес:

г. Москва, Цветной бульвар, дом № 32, квартира № 20.
Муратову Леониду Викторовичу.

2. Лист казкаря Андрія Калина

Товаришу Лінтур!

Чим дістанете моє письмо, дайте про все знати на область, бо доки я вернувся із Ужгорода, від мене узяти десять сотих.

Робив я в колгоспі від його організації. І в 1956 році робив на фермі. І дуже змагався. І діло мені йшло. Але в кінці року прийшов заступник голови колгоспу і без ніякої причини узяв від мене коні, мене облишив без роботи. По тому я не знаходився на роботі у нашому колгоспі «Більшовик», бо наряду мені не давали. А 24 березня 1957 року зазвали мене на правління колгоспу. Не встиг я сказати, що думаю про роботу колгоспну, а Микола Д. – заступник голови сільради і член правління засміявся наді мною і сказав: «Тут є артист». І всі люди засміялися. А я йому сказав: «Що ти смієшся над артистами і казкарями народними? Ци ото в тебе не люди? Думаєш, що ти ліпший?» Я сказав правлінню: «Що ви визиваєте людей, аби обсмівати? Не порадите чоловіка, що він має робити». По сих словах голова колгоспу зазвідав мене, що я собі думаю. Я сказав, що буду робити в колгоспі, лише най дадуть мені коні, бо я з кінями робив від дитинства. Та коней мені не дають. І відібрали у мене десять сотин, лишили мені п'ятнадцять. А я в 1956 році будувався, айбо й так виробив 300 трудоднів. І хлопець мій робить у колгоспі. Отак наші керівники роблять, що хотять.

На сьому кінчаю.

Калин Андрій Степанович – народний казкарь.

3. Лист казкаря Михайла Галиці

Многоповажному товаришу Петрові Васильовичу.

Дуже Вас із мого любовного серця поздоровляю, і Вашу жону, і Ваші діти! І пишу Вам, що доставим від Вас одно письмо і файно Вам дякую. За ту казку, що дали-сьте в газету, я дістав 5 крб. 70 коп. новими грошима. Та я знаю іще кращі казки. Та нікому записати їх. Красні казки та дуже довгі. Та я уже не в силах писати такі казки. А директора Марка я від того часу не видів на свої очі. Та я знаю, що із того не

вийшло би добре, бо він не має часу коло мене сидіти. А я дуже тяжко пишу, бо мою рукою кров так мече, що зразу казяться писання. А казки не треба казати, шкода їх.

Та коби Вам удалося прийти до мене, так написали-бисьте, бо я много підібрав казок. Пишу Вам, товаришу Петре Васильовичу, що я такі казки годен казати, що іще ніхто ніколи в житті не казав – дуже красні і довгі. Я стільки наказав би, що май велика книга була б, як Трифологіонер. Знаю й красні співанки. Та хотів би, щоб по Закарпаттю пішло моє ім'я, щоб іще мої старі знайомі вандрівники споминали за мене та й молодь. Мене знають многі закарпатці, і галичани, і коломийські гуцули. Котрий іще із старих людей жиє, спом'янув би за Галицю Михайла, які я деколи їм казки казав і співанки співав.

Здорові читайте. Поздоровляйте тих студентів, котрі із Вами були у мене. Буду від Вас чекати отвіт.

17 лютого 1962 р.

Галиця Михайло Михайлович.

4. Лист професора Московського педагогічного інституту

М. В.Водовозова

Москва, 23 июня 1967 г.

Дорогой Петр Васильевич!

Благодарю Вас за «Народные баллады Закарпатья». О Закарпатье я никогда не забывал и не забуду. В доказательство посылаю Вам два стихотворения, которые я написал в тот год, когда жил в Ужгороде на набережной, недалеко от Вас.

ЗАМОК В МУКАЧЕВЕ

Князь Лев Данилович, сын короля
Данилы Галицкого, в граде Львове
(Им только что основанном), веля
Своим дружинникам быть на готове,
Гонца из Киева сам принимал.
Тот говорил ему о море крови,
Что хан Батый нещадно проливал,
Взяв Киев стольный; что отряды
Татарские хан всюду рассылал;
Те не давали никому пощады...
Час думать о спасении настал:
В огне войны все гибнут грады;
Что Даниил уж в Венгрию бежал,
Где дружбу, войско для защиты
Ему король венгерский обещал.
«Татарами еще мы не разбиты, –
Прервал гонца нетерпеливо Лев, –
Так будем все, пока мы не убиты,
С врагом сражаться, утоляя гнев,
Чтоб кровию татарской и костями
На русской здесь земле свершить посев.
А после жатву снимем сами.
Ведь русские не дорожат главой,
Чтоб одержать победу над врагами.
Дружина верная, по коням! в бой!»
Князь Лев спешит с дружиною из Львова,
И русские с татарскою ордой
В смертельную борьбу вступить готовы.
Но повстречался им другой гонец.
«Князь Лев, – сказал он, – выслушал ты слово,
Что передать велел тебе отец:
– Вернись скорее, сын мой, за Карпаты,
Не как презренный трус или беглец,
Но как правитель, разумом богатый,
Что не теряет мужества при том,
А собирает силы для расплаты.
Мы с Белою, венгерским королем,
Скрепить союз родством решили:
Тебя в Мукачево к невесте ждем!

Свои войска мы здесь соединили.
У Перевала вместе среди гор
Татар мы остановим без усилий,
На них обуршим мщениа топор
И уничтожим полчища Батья,
Навеки смывши с родины позор!»
Князь Лев, слова услышавши такие,
Решил отцовский выполнить приказ.
«Дружина верная! вы, други дорогие! –
Сказал он, – время горькое для нас
Настало ныне; видно, для отмщенья
Еще не пробил долгожданный час!
Еще терпеть должны мы разоренья
Родной земли, плен женщин и детей.
В Мукачево спешим без промедленья».
И мчится князь с дружиною своею
Чрез «Русские Великие Ворота»
(Верецкий перевал) на зов друзей.
Вот Латорица-речка без заботы
По камням перед ними бег стремит...
Уж пройдены Карпатские высоты
И открывается в долину вид,
Где у подножья сопки одинокой
Мукачево раскинувшись лежит.
Над сопкой замок с башнею высокой,
Как бы повис в небесной пустоте
У края некой пропасти глубокой.
В мучениях влекли на кручи те
Для постройки люди камень здесь отборный
По узким тропам на своем хребте.
Преодолея все русский люд упорный.
Зато поселок имя получил
Мукачева: за муки, труд покорный.
Герольд в трубу на башне протрубил:
О приближенье князя Льва вещает.
Привратник мост подъемный опустил.
Князь Лев с дружиною своею въезжает
Во двор мощный, серебром подков
Как музыкою воздух оглашает.

Князь входит в замок под высокий кров.
И видит: в гряднице с Данилой рядом
И с Белой-королем, среди цветов,
С улыбкой милою, с приветным взглядом
Дочь короля венгерского сидит.
Струятся волосы ее каскадом,
С плеч мантия пурпурная висит,
На тонких пальцах перстни золотые,
На голове ее венец блестит...
И князь забыл про полчища Батя,
Не видит ни отца, ни короля,

А только девы очи голубые.
Забыл, что ждет защитника земля,
Что захватил враг все его владенья,
Пожаром города испепеля.
Не слышит князь, когда в волненье
Расспрашивать отец стал о делах
Домашних и о Руси разоренье.
Князь родину нашел в ее глазах,
Жизнь для него приобрела вновь цену,
О смерти мысль вселила в сердце страх...
Князь понял разумом свою измену.

Вот, дорогой Петр Васильевич, московская баллада о Закарпатье, о том Мукачевском замке, по которому бродили мы с Вами, невольно вспоминая старину и жалея, что никто из русских писателей не воспел это чудо средневекового зодчества, единственный, вполне сохранившийся рыцарский замок на территории нашей страны. Трижды мне довелось побывать в нем: в 1947, в 1956 и в 1964 гг. В последний раз я приезжал в Мукачево, чтобы проститься с умирающим Андреем Карабелешем. Вам же привелось жить в этом замке во времена Чехословакии. У Вас связано с ним больше воспоминаний, но впечатление от него у меня осталось не меньше. Точное время построения «высокого» замка в Мукачево неизвестно, но так как уже с 1321 года сохранился именной список всех его комендантов, то можно с полным основанием предполагать, что во времена татарского нашествия его квадратная башня (донжон), находившаяся на самом вершине горы, уже существовала, поскольку она является древнейшей частью всего замка. <...>

Вот, судите, Петр Васильевич, могу ли я забыть Закарпатье после таких сильных впечатлений! Искренно скажу Вам, что я надеюсь еще когда-нибудь побывать в Закарпатье и посетить могилу Карабелеша в Мукачево. Лучшим памятником для него будет издание книги «На смертном рубеже», о чем я уже писал Ивану Степановичу Шлепецкому, который полагает, что это будет возможным.

Желаю Вам, дорогой Петр Васильевич, и всей Вашей семье всего наилучшего. Особый поклон шлет моя жена Василисе Васильевне.

Ваш Н. Водовозов.

5. Лист Надії К.

Уважаемый Петр Васильевич!

Вы, наверное, очень удивитесь, получив от меня письмо.

Я даже не знаю, с чего начать. Очевидно, Вы уже догадались, о чем будет идти речь.

Мне очень стыдно перед Вами за свой поступок.

Помните практику в селе Загатье в прошлом году? Вы тогда одолжили мне деньги, а я до сих пор не вернула их Вам. Я такая свинья. Я не хочу оправдываться перед Вами, но просто хочу назвать некоторые из причин, заставивши меня так поступить. Вот уже год, как я живу в общежитии. Мне сейчас гораздо труднее жить, чем у тети Веры, ведь приходится укладываться в одну стипендию. Отец мне по-прежнему не помогает. И вот у меня как-то до сих пор не было возможности возратить Вам деньги. Я каждый день мучилась этими мыслями, мне было мучительно стыдно, но я ничего не могла сделать.

Теперь я не знаю, как я буду смотреть Вам в глаза при встрече, тем более, что я пишу у Вас курсовую работу. Это пятно на моей совести будет лежать всю мою жизнь. И это будет самое большое наказание для меня.

Я очень прошу Вас, Петр Васильевич, принять эти деньги, и простить меня, если сможете. Я понимаю, что дело совсем не в деньгах, а в принципе. Не возвращайте мне их, пожалуйста.

У меня нет смелости сказать Вам все это в глаза, потому я пишу.

На этом кончаю. Еще раз прошу прощения.

До свиданья. С глубоким уважением – Надя М.

29.IX.67.